

УДК 316.42

DOI: 10.26565/2227-6521-2020-44-02

ТРАНСФОРМАЦІЯ СТРУКТУР ВКЛЮЧЕННЯ / ИСКЛЮЧЕНИЯ В ГЛОБАЛІЗИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Десенко Дарина Сергіївна – аспірантка соціологічного факультету харківського національного університету В. Н. Каразіна, 61022, Україна м. Харків, площа Свободи 6, email: darina.desenko@gmail.com, ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-1549-5766>

Стаття присвячена виявленню і розгляду основних структур включення / виключення, а також трансформаційних процесів, які характерні для сучасного суспільства. За аналогією з ідентичністю автор виділяє когнітивну, конативну і афективну структури включення / виключення. А ось варіативність прояви включення / виключення може бути різною і не завжди передбачає наявність всіх трьох структур. Когнітивний розглядається як психологічний рівень, тобто включеність в певний інформаційний простір. Когнітивна структура включає в себе судження оцінного характеру, думки про об'єкти. Конативний або поведінковий структура включає в себе як інтенціональну готовність до певної поведінки, так і реальні вчинки і дії по відношенню до локусу включення, а також участь в його (від) виробництві. Третя структура - афективна, тобто емоційно-оцінний рівень, апеляція до почуттів та емоцій, суб'єктивну значимість локусу для включеного суб'єкта, а також визначення позитивних і негативних установок по відношенню до «ми» і «вони». Апеляції до трьох цих структурам відбувається нерівномірно, тому варіативність прояви включеності може бути різною і не завжди передбачає наявність всіх трьох. Індивід репрезентує включеність як деякий шаблон поведінки, реалізуючи лише конативний аспект. Індивіди залучаються до певної діяльності до кінця, не усвідомлюючи сенсу або підґрунтя цієї дії. У глобалізованому суспільстві структури включення / виключення трансформуються в сторону нав'язливого безперервного потоку, який внаслідок своєї повсюдності «розчиняється», стає невидимим і недоступним для рефлексії й осмислення з боку індивіда. Виявлення структур дозволило припустити наявність відповідних елементів у всіх інструментах включення / виключення, незалежно від того, хто або що є об'єктом включення.

Ключові слова: включення, виключення, конативний, когнітивний, афективний.

TRANSFORMATION OF INCLUSION / EXCLUSION STRUCTURES IN A GLOBALIZING SOCIETY

Daryna Desenko – PhD student (Sociology), V. N. Karazin Kharkiv National University, 61022, Ukraine, Kharkiv, 6 Svobody Sq, email: darina.desenko@gmail.com, ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-1549-5766>

The article is devoted to the identification and consideration of the main structures of inclusion / exclusion, as well as the transformation processes that are characteristic of modern society. By analogy with identity, the author identifies the cognitive, conative and affective structures of inclusion / exclusion. The variability of the manifestation of inclusion / exclusion can be different and does not always imply the presence of all three structures. Cognitive is considered as a knowledge level, that is, inclusion in a certain information space. The cognitive structure includes evaluative judgments, opinions about objects. The conative or behavioral structure includes both an intentional readiness for a certain behavior, as well as real actions and actions in relation to the locus of inclusion, as well as participation in its (rep) production. The third structure is the affective, that is, the emotional-evaluative level, the appeal to feelings and emotions, the subjective significance of the locus for the included subject, as well as the determination of positive and negative attitudes towards «we» and «they». Appeals to these three structures are uneven, so the variability of the manifestation of inclusion can be different and does not always imply the presence of all three. An individual represents inclusion as a pattern of behavior, realizing only the conative aspect. Individuals are involved in a certain activity to the end, not realizing the meaning or background of this action. In a globalizing society, inclusion / exclusion structures are transformed toward an obsessive continuous stream, which, due to its ubiquity, «dissolves», becomes invisible and inaccessible to reflection and understanding on the part of the individual. The identification of structures allowed us to assume the presence of corresponding elements in all inclusion / exclusion tools, regardless of who or what is the object of inclusion.

Keywords: inclusion, exclusion, conative, cognitive, affective.

Актуальность темы. «Глобальное» и «локальное» – это дихотомия, которая все больше «захватывает» современные общественные процессы. Пересборка локального под влиянием глобального, создание глобальных гибридов и ответные выпады против глобализирующих тенденций в виде консервации и архаизации. Преломленные отражения мировых тенденций накладываются и на украинские

реалии, ведь Украина также пытается интегрироваться в глобальные сообщества и пространства. «Текущая современность» [1] кроме пространства новых потенциальных возможностей (за которыми еще нужно успеть) также предполагает и включенность в разрастающиеся глобальные изменения и трансформации. Главное отличие современного проекта глобализации – в качественном отличии от предыдущих этапов, что отражается в повседневной жизни индивидов, реконструирующейся под влиянием глобализационных тенденций. Мир современного индивида становится не только более «текучим», но и более «ненадежным». Некоторые философы видят в этом определенную возможность эмансипации: «Жить в этом многообразном мире означает иметь опыт свободы, ощущать его как непрекращающееся колебание между причастностью и потерянностью» [2, с. 93]. Другие усматривают новые пространства и измерения дискриминаций и эксплуатации. С одной стороны, Мишель Маффесоли пишет о неонемадах, примерами которых в Украине являются фрилансеры и айтишники, которые при превышении субъективно воспринимаемого уровня опасности легко готовы перенести локус своего обитания туда, где безопаснее. С другой стороны, Джорджо Агамбен говорит о том, что глобализация в сфере человеческих прав и свобод приняла именно такие химерические очертания, что достаточно шепотом произнести слово «терроризм», как провозглашаемые либеральные свободы отодвигаются в сторону, а человек низвергается до *homo sacer* [3]. Капитал, лишенный необходимости в «земле, железе и крови», способен в современном мире легко ре- и делокализоваться, ре- и детемпорализоваться и даже ре-денационализироваться в случае непосредственной угрозы, в то время как большинству предлагается «гибкость» как универсальное средство для того, чтобы подстроиться под современные реалии. Таким образом, глобализационные процессы делят общество на тех, кто вписывается в основные тенденции, и тех, кто (само)исключается.

Проблемная ситуация. Онтологический аспект данной проблемной ситуации в том, что процессы и инструменты включения/исключения в современном обществе трансформируются как по горизонтали, так и по вертикали, затрагивая более глубокие, приватные слои повседневности индивидов. Одна из гипотез данного исследования заключается в том, что включение / исключение в большинстве случаев не рефлексивируется или даже воспринимается как самовключение и самоисключение (когда индивид даже не может помыслить о том, чтобы быть (не) включенным в какое-то сообщество). Господствующие дискурсы стали настолько навязчивыми и повсеместными, что, как ни парадоксально, стали невидимыми для невзыскательного взгляда. Как пишет Маурицио Лаззарато, «в конце беседы вы уже – субъект высказываемый, эффект семиотики машины коммуникации, верящий, что является субъектом высказывания, ощущающий себя абсолютной, индивидуальной причиной и источником высказываний, тогда как в действительности вы – продукт машинной обработки, не более чем конечная точка процесса» [4]. Так за индивида начинает говорить господствующий миф, принимаемый им за реальность. Гносеологическая сторона проблемной ситуации заключается в том, что стимулы к включению / исключению, таким образом, «залегают» настолько глубоко, что возникают определенные методологические трудности с тем, чтобы их выявить. Тем не менее, наблюдению доступны как внешние проявления, так и апелляции дискурсов, нацеленные на структурные элементы включения/исключения.

Целью данной статьи является выявление и анализ основных структур включения / исключения, а также трансформационных процессов, которые с ними происходят в современных реалиях.

Изложение основного материала. Рассматривая включение / исключение не с позиции традиционных административных решений и программ, а с точки зрения повседневных дискурсивных практик, целесообразно (пере)осмыслить данный концепт с точки зрения его структуры, а также того, как эти структуры задействуются в современном мире. Как пишет Жиль Делез, «структура определяется природой некоторых атомарных элементов, которым предначертано учесть одновременно формирование целостностей и вариацию их частей» [5, с. 134]. То есть рассматривать структуры включения / исключения нужно как соотношение устойчивых элементов и связей, а также как проявления в повседневных практиках индивидов. Даже причисление субъекта к определенному типу уже само по себе является включением в восприятие его в определенную категорию. Неопределенный субъект взаимодействия предполагает неизвестность и, соответственно, представляет возможную угрозу безопасности и социальному порядку. Индивид без ярко выраженных социальных маркеров представляет потенциальную опасность как на индивидуальном уровне, так и на уровне властных структур. Такими «определяющими маркерами» в современном мире, например, выступают профили в социальных сетях. Включая себя в определенную социальную группу, репрезентируя это досуговыми практиками, демонстрируемыми в фотографиях, индивид упрощает свою типизацию со стороны других субъектов взаимодействия. Это упрощение в условиях размывания культурных маркеров может не соответствовать реальному положению вещей, но подобное включение (как со стороны себя, так и со стороны других) снижает неопределенность. Множество кодов усваиваются индивидом в ходе социализации считываясь, включают/исключают индивида в/из определенный/-ого дискурсивный/-ого порядок/-ка. В глобализирующемся мире такие коды не только размываются, но и дифференцируются в больших плоскостях (не говоря уже о потенциальных конфликтных ситуациях на основе кодовой категоризации).

В рамках данной работы мы будем рассматривать включение / исключение как нерелексивируемую

(де)актуалізацію одної із множини ідентичностей, стереотипів, ідеологем, міфів, практик з метою виробництва і споживання (не)внимання і, відповідно, інспірування певного поведіння.

Мишель Фуко висловлює гіпотезу, що «в будь-якому суспільстві виробництво дискурсу одночасно контролюється, піддається селекції, організується і перерозподіляється з допомогою певної кількості процедур, функція яких – нейтралізувати його властні повноваження і пов'язані з ним небезпеки, обуздати непередбачуваність його подій, уникнути такої повної, такої загрозливої матеріальності» [6, с. 34], а процедури включення / виключення є неотъемлемими елементами в (вос)виробництві дискурсів, а також механізмами його (само)ограничення. Представлена вище трактування включення / виключення ширше того, що вперше підразумевав М. Фуко в «Порядку дискурсу», так як містить в собі якийсь заборони (говорити можна не все, не про всіх, не в будь-яких обставинах і не завжди), так і названих їм «процедур розділення і відкидання» [6, с. 35] передбачають соціокультурні засоби диференціації і дистанціювання однієї від одної, а також селекції індивідів по відповідному критерію. Цей тезис може бути застосований і по відношенню до включення / виключення.

Якщо говорити про структуру включеності як результату включення, то, проводячи аналогію з ідентичністю [7], можна виділити три структури: когнітивну, конативну і афективну, – варіативність і проявлення яких може бути різною.

Когнітивний – це знаннєвий рівень, тобто включеність у певне інформаційне простір. Когнітивний компонент включає в себе суждення оціночного характеру, думки об'єктах. Наприклад, в патріотических поглядах під певним кутом зору осмислюються ті чи інші соціальні стосунки, намечаються шляхи і способи їх зміни в інтересах батьківщини. Патріотическі орієнтації знаходять концептуальне вираження в поняттях «патріотизм», «патріот», «Батьківщина» [8]. Семіотическе вимірювання цієї структури може бути здійснено через вивчення освідомленості відносно символіки, її міфологіческої і візуальної складової.

Когнітивний рівень передбачає знання і розуміння локуса включення, інформованість у процесах, що відбуваються в ньому, конкретні знання про себе як про члена спільноти, усвідомлення особливостей, тобто відмінностей від інших. Крім того ділення і семантическа окраска «своїх» і «чужих» може бути неявно виражена, так і на рівні ділення на «чисте» (сакральне) і «брудне» (заборонене). Це бінарне мислення властиво не тільки примітивним племенам, але і сучасному суспільству [9]. Різниця не в ступені раціональності мислення, як утверджував Люсьєн Леви-Брюль, а в диференціації соціальної організації. І якщо раніше для того, щоб позначити що-небудь як «брудне» і «заборонене», достатньо було слова вождя або шамана, то сьогодні на місце цих «авторитетів» прийшли інші легітиматори. В епоху модерну це була наука і держава, в глобалізуючому ж суспільстві такої інстанції все більше стає система масмедіа щодня впливаюча на сприйняття.

Незважаючи на оптимістичні заяви про рухнувші метанарративи і про те, що при цьому ніхто з центрів не може претендувати на те, щоб бути головним, об'єднуючим і координуючим [2], доступ до ресурсів в глобальній медійній мережі нерівномірний. Глобалізуючий світ – це не світ явно виражених «львів» і «лисиць», а світ «пчелиного роя», але не хаотичного броуновського руху, а скоріше упорядкованих точечних «ударів» дискурсів, з допомогою яких формуються і вирисовується бажана картина світу. Процеси (де)монументалізації, (де)сакралізації, (ре)історизації, (а)нормалізації, (ре)номінації і кодифікації – всі вони направлені (і в певній мірі використовуються) на формування і вплив на інформаційне простір сучасного індивіда. Будь це прагнення надати локальним об'єктам монументальний характер або створення якогось номінації, освячення або стигматизація символу, але так чи інакше за семіотическою системою завжди кроються стосунки влади і інтереси в натуралізації певної картини світу. Мишель де Серто нагадує: «Від телебачення до газети, від реклами до всіх іпостасей ринку наше суспільство поглинається раковою опухлею зору, вимірює будь-яку реальність здатністю показувати або бути показаним, перетворює будь-яку комунікацію в подорож очей. Це епопея погляду і влечення до читання. Сама економіка, перетворившись в «семіократію», підтримує і годує цю гіпертрофію читання» [10, с. 52]. Як і багато постмодерністи, М. де Серто бачить потенціал в прочтенні нав'язуваного: наприклад, в повсякденних тактиках індивідів – русіванні мікроспротивлень, які переустановлюють подлинні межі розповсюдження влади над безликою толпою [10, с. 47]. При цьому М. де Серто не задається питанням, наскільки ці тактики передбачені і/або обмежені шаблонами, вихід за межі яких більшість не може навіть подумати. По суті, М. де Серто в якійсь ступені навіть легітимізує властні обмеження, так як для нього це основа творчості, креативності і пошуку нетривіальних шляхів досягнення мети. Він приводить на приклад індіанців Південної Америки, які піддавшись насильственому християнізації іспанськими колонізаторами, переінтерпретували пісні про нав'язаних «святих», тим самим спротивлялись асиміляції і зберігали свою культуру. М. де Серто фокусує свій дослідницький інтерес не на символіческому насильстві, до якого піддалися корінне населення, а на способах «ускользання», які він внаслідок охарактеризує як «тайну»

свободу практик» [10, с. 53]. Но ведь от наличия запретов спектр возможных социальных практик не становится больше, в ответ просто изобретаются гибкие «пути обхода» (часто единичные или нелегальные). Так, например, коррупция и уклонение от налогов способны институционализироваться в тех случаях, когда были нарушены легитимные способы решения этих вопросов. Или же истории успеха в духе «self-made-(wo)man» становятся неповторимыми из-за уникального сочетания ансамбля капиталов «победителей», которых на самом-то деле единицы. Например, по данным Forbes, только 1% стартапов достигают хоть какого-то успеха [11], и бизнес-аналитики считают это «нормальным». Поэтому «индивидуальные тактики» по своей эффективности в современном мире статистически больше похожи на маргинальные, маловероятные случаи (которые имеют больше общего с выигрышем в лотерею), нежели на реальные жизненные возможности достижения успеха. В то время как прочтение и верификация навязываемых смыслов и знаний весьма ограничены способами выражения, которые заданы и ожидаются а priori в соответствующей культуре. В случае использования действительно нестандартных подходов система их коммодифицирует или же маркирует как «грязное» со всеми вытекающими последствиями для индивидов. Например, скандал с «Исповедью» Ж. Ж. Руссо обусловлен тем, что такая роль еще не была создана, что и породило ощущение нарушения правил игры.

Кроме латентного и повсеместного навязывания определенного когнитивного восприятия, для современного мира также характерна закономерная информационная перегруженность. Это приводит к травмам от переизбытка информации и делает забвение потребностью, как утверждает Пол Коннертон. «Воспроизводству забвения служат три фактора: масштаб городского поселения, скорость жизни и постоянное разрушение только что созданной среды» [12]. По мнению П. Коннертона, «забывчивость» современности проистекает из отчуждения социальной жизни от локальности в ее человеческом восприятии: глобализирующийся мир – мир высоких скоростей, чрезмерно разросшихся мегаполисов с их недолговечными ландшафтом и архитектурой. Символическое насилие (например, в виде переименования городских объектов) в этом плане оказывается также эффективной стратегией «забывания». На знанием уровне включенности/исключенности это упрощает для дискурсов возможность жонглирования фактами и смыслами.

И именно поэтому в кризисные периоды так обостряется вопрос символического насилия. При смене политического курса именно символы как носители коллективной памяти в первую очередь подвергаются (ре)конструированию. Переименования городов и улиц (например, в послереволюционной Франции) оказываются способом переписывания исторической памяти, не менее чем регламентирование ритуального движения индивидов в предписанных местах. Особенно такая регламентация свойственна при посещении таких религиозных объектов, как монастыри, церкви, мечети и т.д, хотя, заметим, даже пребывание в метрополитене предписывает посетителям негласные правила. В этом плане как идентичность, так и включенность / исключенность строятся на территориальности: перейти на другую территорию означает попасть в «другой» мир, а границами между мирами служат лимены. Данная «лиминальность продуцируется по правилам и инструментами индустриального производства, <...> дифференцируя отдельных индивидов (актеров, субъектов, агентов), индустриализированная пограничность при этом остаётся прозрачной для самой системы» [13, с. 49]. Тем самым задавая пределы того, что является знанием, а что – не-знанием, что следует помнить, а что – предать забвению. Глобализационные процессы способствовали усилению информационному давлению на индивидов таким образом, что «забвение», «отчуждение памяти» стало в современном мире востребованным товаром.

Подытоживая вышесказанное в отношении когнитивной структуры, можно сказать, что это включенность в информационное пространство, которая подразумевает не только осведомленность субъекта о локусе включения / исключения, но и (де)конструирование этого информационного пространства. Пределы пространства становятся и существуют именно как пределы знания, а в глобализирующемся мире (пере)установление всех границ фрагментирует индивида по множественным осям, проблематизируя его идентичность.

Второй структурой является конативная или поведенческая, то есть соответствующие действия и поступки. Она включает в себя как интенциональную готовность к определенному поведению, так и реальные поступки и действия по отношению к локусу включения, а также участие в его (вос)производстве. Например, при исследовании практик включения/исключения в политические партии Украины¹ было отмечено применение просветительских и образовательных программ как инструмента включения: все новые члены проходят обучение, существуют комплексные программы, постоянно происходят тренинги, мастер-классы, семинары, в рамках которых внедряется «взаимный процесс обучения», а для более опытных членов партий происходят периодические программы, нацеленные на повышение их компетенции, и другие. Как отмечали сами респонденты, это неотъемлемая часть существования политических партий: «Вполне естественный процесс политической жизни». То есть политическими партиями активно используется этот инструмент

¹ Исследование, проведенное в рамках магистерского проекта совместно с Ю. Пелюшок в январе 2018 года.

инклюзии в поле политики и политической партии. Таким образом, обеспечивается не только (вос)производство подходящей политической конъюнктуры, но и осуществляется защита собственного «поля». Политические партии «воспитывают» новых членов, ненавязчиво внося коррективы во взгляды, если они отличаются от дискурсивируемых внутри партии. Осуществляется селекция и (ре)маркирование социального пространства с точки зрения идеологических платформ.

Напомним, что, как отмечал еще Пьер Бурдьё, именно через систему образования насаждаются «общие когнитивные и оценочные структуры, создавая и воссоздавая их, заставляя признавать, усваивать их как нечто незыблемое» [14, с. 92]. В приведенном кейсе активно задействованы апелляции как к конативному, так и к когнитивному компоненту. Такие стратегии характерны не только для политических партий, но и для религиозных групп, молодежных организаций или каких-то иных культурных объединений. Так, уже упомянутый П. Коннертон отмечает влияние и значимость телесных практик в (вос)производстве коллективности. Он обращается к церемониям чествования памяти, ибо в них ярко проявляется телесный компонент. Общественная память в концепции П. Коннертона включает телесные практики, которые проявляются в одежде, привычках, традициях, ритуалах и других практиках, определенных общественной договоренности [15]. Еще в эпоху модерна национальные элиты начали изобретать и проводить ритуалы, через которые можно было бы заявить о связи с соответствующим отрезком исторического прошлого, а для этого началось производство церемоний, парадов и массовых собраний, а также строительство новых зданий, где бы разместились новые ритуальные пространства. Так, например, и во Франции во времена Третьей республики, и в Германии во времена императора Вильгельма II прилагали огромные усилия для создания нового символического порядка только что изобретенных традиций. Слияние в подобном коллективном теле национальных празднований, обеспечивает людей не символическими репрезентациями современных категорий и реалий, а символическими репрезентациями утопии, образа будущего государства, где и происходит «победа народа и празднования материального достатка, свободы, равенства и братства» [15, с. 42].

На данном этапе мы можем наблюдать схожие процессы и в современной Украине, когда некоторые национальные праздники лишаются соответствующего статуса, а взамен конструируются вроде бы релевантные замены, но, как и в случае с (пере)именованием городских объектов, *de facto* имеет место символическое насилие. Ведь «власть осуществляет символическое насилие, навязывая свою систему значений, иерархию ценностей, которые, в свою очередь, приобретают естественный, «само собой разумеющийся» для индивида характер. С помощью символического насилия проводится трансформация восприятия, кристаллизация отношений «господства – подчинения»» [16, с. 19]. Конструирование церемоний и ритуалов – это со стороны государства легитимный способ (вос)производства желаемых культурных смыслов и значений, но, с другой стороны, в результате подобной политики в жертву приносятся «отжившие» и «устаревшие» традиции. Нет ничего банальнее календаря, который, в свою очередь, темпорально регламентирует повседневность индивидов. Поэтому за право наименовывать, что является праздником, а что – нет, разворачивается поступательная символическая борьба, как, например, сейчас происходит в Украине.

Несмотря на то, что основной акцент П. Коннертон делает на церемониях чествования памяти, его пример можно экстраполировать и на другие совместные телесные практики. Тимбилдинговые практики, которые широко распространены в корпорациях, имеют те же корни. В результате подобных практик не только (вос)производится корпоративный дух компании, но и индивиды, участвовавшие в нем, становятся как бы (со)участниками происходящего.

В целом, конативная структура подразумевает инкорпорирование практик в повседневность индивида. Чем глубже в телесности оседает какая-либо практика, тем менее проблематичной и нерефлексируемой она становится. Сформированный в результате *габитус* уже сам ненавязчиво диктует актору правила игры, а также выбор когерентных смежных полей: «Габитус производит практики и представления, поддающиеся классификации и объективно дифференцированные, но они воспринимаются непосредственно как таковые только теми агентами, которые обладают кодом, схемами классификации, необходимыми для понимания их социального значения ... Мы знаем также, что точки зрения будут разные и даже антагонистические, ведь они зависят от точки, с которой смотрят, поскольку для каждого агента видение пространства зависит от его положения в этом пространстве» [17, с. 73-75]. В данном отношении *габитус* является механизмом, с помощью которого акторы обобщают и инструментализируют свои действия, образуют структуры – и наоборот, благодаря которому целостность деконструируется и дифференцируется.

Наконец, третья структура – аффективная, то есть эмоционально-оценочный уровень, апелляция к чувствам и эмоциям. Она включает в себя выражение оценки и чувств по отношению к локусу, субъективную значимость локуса для включенного, а также определение позитивных и негативных установок по отношению к «мы» и «они». Проявляется этот компонент в виде эмоционально окрашенных коннотаций как позитивного (к «своим»), так и негативного (к «чужим») характера.

Некоторые исследователи считают, что именно к эмоциям и аффектам, в первую очередь, апеллируют современные жрецы медиа. В глобализирующемся обществе, насквозь пресытившемся видимостями,

возникает страсть по «реальному», как сказал бы Славой Жижек [18]. Однако в попытке как-то заполнить эту «Пустыню» индивиды зачастую востребуют квазиэмоции, которые и отличаются от реальных эмоций тем, что не востребуют каких-то конкретных практических действий или серьезных временных и финансовых затрат. «Некоторые негодующие по поводу нищеты в странах третьего мира и никогда не берущиеся за бумажник могут наслаждаться своим негодованием как потребительским товаром, потому что это позволяет им хорошо о себе думать. Точно так же очевидное наслаждение, с которым некоторые скорбели о смерти принцессы Дианы, не имело ничего общего с чувством настоящей скорби» [19, с. 78]. Подобные практики со-присутствия, которые могут, например, выражаться в маркировании своего виртуального тела траурной символикой, и были уже рассмотрены нами [20]. Оскар Уайльд писал о подобных индивидах как о людях, желающих наслаждаться роскошью испытывать эмоции, ничем за это не заплатив.

Такая постановка вопроса вполне подтверждает гипотезы о том, что эмоции (а также возможность их (вос)производить) становятся в современном обществе ходовым товаром. Собственно, данный тезис еще в конце XX века выдвинула Арли Рассел Хохшильд [21], констатируя возросший спрос на эмоциональный труд. Речь идет о коммерциализации чувств, когда эмоции – нередко бессознательно – переходят из частной сферы в публичную. Причем этот эмоциональный труд уже требует не просто дежурной улыбки, а глубокого исполнения и самоотдачи, в результате которого (само)отчуждение работников сферы услуг достигает катастрофических размеров. В современных обществах способность человека управлять эмоциями продается и регламентируется. Именно востребованность в современном мире аффективного труда делает апелляции к эмоциям эффективными в плане включения / исключения.

При таких тенденциях неудивительно, что эмоции становятся одним из основных триггеров для включения/исключения. Причем, в соответствии с нашей гипотезой, основные апелляции проходят по двум направлениям: страха и любви. В глобализирующемся мире производство этих эмоций достигло такого размаха (со своими производителями, потребителя и спецификациями), что уже можно говорить о соответствующих индустриях.

Так, в XXI веке инфраструктура любви разрослась, и Ева Иллуз даже предлагает говорить о «великой любовной трансформации» в интимной сфере, на которую не последнее влияние оказали интернет и постиндустриальный капитализм. Для неолиберализма и его идеологии свободного рынка и свободного выбора характерно проникновение даже в такие изначально нерыночные сферы, как любовь. Индивиды нерелексивно становятся участниками данного рынка отношений, репрезентируя собственные предложения и устраивая «охоту» за наиболее выгодными вариантами. Игроки этого рынка равны лишь на первый взгляд. Мужчины, которые, несмотря на эмансипирующие тенденции современности, по-прежнему контролируют важнейшие ресурсы и узлы социальной структуры (от капитала и насилия до власти), получают преимущества и на рынке чувств или, точнее, как пишет Е. Иллуз, – «сексуальном поле». «Уместнее говорить о «сексуальных полях», чем о брачных рынках, поскольку поля предполагают, что у субъектов есть неравные ресурсы для конкуренции на данном социальном месте» [22, с. 51]. По крайней мере, так аргументирует свою (термино)логику Е. Иллуз.

Эмоциональная сфера всегда была источником риска и неопределенности, а если базировать ее на рыночных принципах, то самый действенный способ минимизировать риск – это исключить его источник, что собственно, по версии Е. Иллуз, и приводит к тому, что все меньше мужчин готовы связывать себя какими-то обязательствами. А представительниц слабого пола такая ситуация вынуждает выставлять на «любовный рынок» свои лучшие ресурсы, самый важный из которых – «эротический капитал». Вводя это понятие, Е. Иллуз исходит не только из анализа положения женщин и мужчин, вступающих в конкуренцию за лучшего партнера, но и из наблюдений за историческим процессом сексуализации потребления, который заключается в предметном использовании женского тела для стимулирования динамики современного капитализма [23]. Как пишет Ж. Бодрийяр, «в этом смысле можно сказать, что все дискурсы сделались дискурсами соблазна: в них вписан недвусмысленный запрос на соблазн, но речь идет о соблазне мягком, о приглушенном процессе оболыщения, ставшем синонимом стольких других вещей – манипуляции, убеждения, удовлетворения, эмпатии, стратегии желаний, мистики отношений, легкой трансферной экономики, пришедшей на смену конкурентной экономике силовых отношений» [24, с. 240].

Можно выдвинуть гипотезу, что современная любовь все больше напоминает квазирелигию, которая активно пропагандируется обывателям, со всеми соответствующими регалиями и праздниками: День святого Валентина, сакральные символы в виде сердца и так далее. Капиталистическая система коммодифицировала человеческие взаимоотношения, превратив их в товар, который активно пропагандируется в современных средствах массовой информации и культурных продуктах. Конструируемые образы создают иллюзию неполноценности при отсутствии в жизни данного «товара», стимулируя тем самым спрос на сопутствующие траты. Искусственно раздувая человеческую потребность в любви, дискурсы делают индивидов более восприимчивыми для данной эмоции. Увеличивается спрос на эмоциональные услуги, когда потребителю предлагают почувствовать себя «как дома». Например, обратной стороной японского экономического чуда являются семьи напрокат, разговоры и селфи с

представителями противоположного пола за деньги и тематические хост-клубы [25]. Подобная коммерциализация интимной сферы выглядит аномально для отечественной культуры, но является вполне тривиальной в Стране Восходящего Солнца. Подобные перспективы актуализируют вопрос (пере)осмысления процессов происходящих в сфере интимного и в украинских реалиях.

Апелляция к страхам и потребность в безопасности распространена даже в большей мере. Дж. Агамбен пишет, что концепт, который сегодня вытеснил с пьедестала все прочие политические понятия – это «безопасность» [3]. Формула «по соображениям безопасности» сейчас употребляется повсеместно, начиная от сферы повседневной жизни и заканчивая обсуждением международных конфликтов, служа паролем для всех навязываемых мер, для принятия которых нет иных причин. Прикрываясь заботой о безопасности граждан, как щитом, и играя на базовых человеческих страхах, устраняются границы для многих политических решений. Эксплуатируя идею «чрезвычайного положения», сперва случайным и бессознательным образом, а затем все более эксплицитно и настойчиво, заинтересованные акторы опривычивают практики контроля, которые всегда считались исключаящими и бесчеловечными. «Всевозрастающее распространение на всех граждан тех технологий, которые были изначально задуманы для применения к преступникам, оказывает неизбежное влияние на политическую идентичность граждан» [26].

Легитимируются практики контроля, которые благодаря использованию таких электронных гаджетов, как кредитные карты и сотовые телефоны, превосходят все ранее мыслимые пределы. Управлять причинами в глобализирующемся мире становится все сложнее, поэтому политика все больше смещается к управлению последствиями. Это парадигма управления «рисками», которое мыслит безопасность не как предотвращение неприятностей, а скорее, как способ направлять их в нужное русло. Наоми Кляйн описывала, как легко кризисные ситуации в разных странах мира были использованы для построения антидемократических корпоративных экономик [27]. Управление хаосом невозможно, но можно устанавливать границы порядка. И пусть «общество контроля», которого так опасались в своих теоретических изысканиях М. Фуко и Ж. Делёз, все еще остается абстрактной моделью, но одностороннее опрозрачивание современного не только украинского общества движется именно в этом направлении.

Аффективная структура во многом является эффективным средством в практиках включения/исключения, так как эмоциональная сфера подавляет рациональное и критическое осмысление происходящего. Эксплуатируя подсознательные желания и страхи индивидов, машина капитализма производит послушных потребителей, готовых практически на все ради достижения (с)конструированной потребности.

Апелляции к трём этим структурам происходит неравномерно, поэтому вариативность проявления включенности может быть различна и не всегда предполагает наличие всех трех. Индивид репрезентирует включенность как некоторый шаблон поведения, реализуя лишь конативный аспект. Индивиды вовлекаются в определенную деятельность до конца, не осознавая смысла или подоплеку этого действия. Подобным примером может быть и маркирование себя с помощью георгиевской ленточки, без осмысления вопроса исторического происхождения данной символики. Включение/исключение в шаблонные практики часто строится на не сформированной субъектности индивидов – например, включение детей в волонтерские практики или в декларирование лозунгов, которые могут кардинально отличаться в темпоральной перспективе.

Другим примером является включение в конформизм: в 1930-е гг. многие граждане Германии ощущали полную несовместимость своего поведения и личных убеждений, причиной которой стало участие в мероприятиях, проводимых нацистами, ношение униформы и особенно приветствие «Хайль Гитлер». По словам историка Ричарда Грюнбергера, для тех немцев, у которых ещё сохранялись сомнения относительно Гитлера, «немецкое приветствие» было действенным способом создания соответствующих условий. «Решившись однажды произнести его вслух в качестве внешнего признака собственного конформизма, многие ощущали... дискомфорт по причине несоответствия их слов тем чувствам, которые они испытывали. Лишенные возможности говорить то, что они думали, люди, пытаясь сохранить психическое равновесие, стремились поверить в то, что они говорили» [28, с. 27]. Подобная практика характерна не только для тоталитарных режимов. Такие политические ритуалы, как ежедневный подъем флага в школах при исполнении национального гимна, используют конформизм для воспитания патриотизма.

Включение / исключение как культурная инсценировка – это связь вовлечения в определенную практику не с внутренней приверженностью к определенной доктрине (теории), а лишь с внешней репрезентацией. Примеров подобных инсценировок можно провести множество. Это и празднование традиционного индийского праздника весны и ярких красок «Холи», и уже прижившиеся на постсоветском пространстве «Хэллоуин» или «День святого Валентина». Вследствие внешней яркости и привлекательности подобных мероприятий многие индивиды активно включаются в подобные празднования, при этом либо не осознавая культурных истоков, либо модифицируя праздники под требования рынка.

Подобный инсценировочный, нефундаментальный характер подобных культурных практик Л. Г. Ионин называет «стилевым промискуитетом», выражая надежду на то, что это всего лишь временное явление [29]. Для данной разновидности включения/исключения характерно отсутствие некоторых компонентов включенности

(осознания или эмоциональной окраски). Если мы говорим о включенности как о результате включения, то у данного вида будет отсутствовать когнитивный или аффективный компоненты, а реализация будет проходить в основном через конативную структуру. Тем не менее, включаясь в какие-то практики (изначально как в культурные инсценировки), индивид с течением времени все больше в них вовлекается, «подключая» и остальные компоненты включенности. Таким образом, то, что изначально являет собой культурную инсценировку, со временем становится повседневной и привычной практикой.

Так же можно категоризовать включение / исключение в зависимости от того, по отношению к кому оно реализуется. Мы можем говорить о включении себя (или самовключении) когда индивид своими действиями репрезентирует свою причастность к определенной группе. Например, когда человек маркирует себя через татуировки, одежду, характерную для определенной субкультуры, тем самым облегчая для других свою типизацию. Маркирование не обязательно носит материальный, вещественный характер. В ходе своей жизни индивид овладевает широким репертуаром речевых жанров. Человек осваивает эти жанры в непосредственной практике общения, начиная с самого раннего возраста, и чем больше культурный капитал индивида, тем обширнее его ассортимент. Люди научаются как распознавать, так и репрезентировать тип взаимодействия по речевой композиции.

Выводы и дальнейшие перспективы исследования. Таким образом, нами были выделены три структуры: когнитивная или знаниевый уровень, то есть включенность в определенное информационное пространство; конативная или поведенческая структура включает в себя как интенциональную готовность к определенному поведению, так и реальные поступки и действия по отношению к локусу включения, а также участие в его (вос)производстве; аффективная структура – это апелляция к чувствам и эмоциям, субъективная значимость локуса для включенного субъекта, а также определение позитивных и негативных установок по отношению к «мы» и «они». Выделение структур позволяет предположить наличие соответствующих компонентов во всех инструментах включения / исключения, независимо от того, кто или что является объектом включения. Процессы вовлечения индивидов будут строиться на аффективном, конативном и когнитивном уровне и при включении / исключении граждан в политическую активность, и при привлечении студентов к научной деятельности, и даже при попытке влиться в молодежную субкультуру типа косплей. Данная гипотеза открывает перспективы как исследования этих структур, так и использование соответствующих инструментов для более эффективного включения депривированных групп. Рассмотрения инструментов включения / исключения с точки зрения эффективности и глубины включения в некоторые практики, а также исследования того к каким именно структурам чаще апеллируют современные массмедиа с целью повлиять на современного индивида и навязать ему определенный дискурс.

В целом же проблемы социального включения / исключения чаще возникают тогда, когда индивид лишается свободы предпринимать те действия, которые он считает необходимыми, то есть, когда процессы включения / исключения осуществляются за него. А. Сен делает акцент на объективном сокращении возможностей индивида и пишет о том, что сущность социального исключения состоит в невозможности индивидов участвовать в определенных аспектах социальной жизни, на которые у формально есть все права [30]. Особенно когда процессы включения/исключения мыслятся как естественные (натурализированные) и не подлежат рефлексии со стороны включающихся / исключаящихся в непрерывном (вос)производстве этих процессов. «Взламывание» натурализированных процессов включения / исключения способно расширить границы помыслимого и тем самым переустанавливать границы предзаданного.

Литература:

1. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Ваттимо Дж. Прозрачное общество / пер. с ит. Дм. Новиков. М.: Издательство «Логос». 2002. 128 с.
3. Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издат-во «Европа», 2011. 256 с.
4. Лаззарато М. Машина / пер. с англ. А. Скидана, под ред. А. Пензина. URL: <https://transversal.at/transversal/1106/lazarato/ru>
5. Делез Ж. По каким критериям узнают структурализм? / пер. с фр. по изданию Л. Ю. Соколовой. URL: http://abuss.narod.ru/study/deleuze_structur.htm
6. Фуко М. Порядок дискурса / пер. с фр.; общ. ред. Б. Левченко. К.: Ника-Центр, 1996. 208 с.
7. Чернова И. Б. Концептуальные основания исследования идентичности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 4 (167). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovaniya-issledovaniya-identichnosti>
8. Ружа В. А. Социокультурный подход как методологическая основа социологической интерпретации понятия патриотизм // СИСП. 2012. №5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-podhod-kak-metodologicheskaya-osnova-sotsiologicheskoy-interpretatsii-ponyatiya-patriotizm>
9. Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу / пер. с англ. Р. Громовой под редакцией С. Баньковской; вст. ст. и комм. С. Баньковской. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 288 с.
10. Серто М. Изобретение повседневности. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
11. Соколов М. Почему «взлетает» только 1% стартапов – и это нормально URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/339113-pochemu-vzletaet-tolko-1-startapov-i-eto-normalno>

12. Коннертон П. Забывчивая современность URL: <http://gefter.ru/archive/17821>
13. Голиков А. С. Индустрия лиминальности и перспективы социального: ограниченное знание об ограничениях пространства // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна Серія: «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». 2014. № 1101. Вип. 32. С. 47-55.
14. Бурдые П. О государстве / пер. Н. А. Шматко. М.: Издательский дом «Дело», 2016. 720 с.
15. Коннертон П. Як суспільства пам'ятають пер. з англ. С. Шліпченко. К: Ніка-Центр, 2004. 184 с.
16. Бурдые П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования / пер. Н. А. Шматко. М.: Просвещение, 2007. 267 с.
17. Бурдые П. Начала. / пер. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
18. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального/ пер. с англ. Артема Смирного. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. 159 с.
19. Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук / пер. с англ. И. Кушнарева М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2011. 472 с.
20. Десенко Д. С. Демонстративное соприсутствие как инструмент производства солидарности // Вестник Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина Серія «Социологические исследования современного общества: методология, теория, методы». 2016. №36 С. 96-102.
21. Hochschild A. R. The managed heart: commercialization of human feeling. London: University of California Press. 2003. 340 p.
22. Illouz E. Why Love Hurts. A Sociological Explanation. Cambridge: Polity Press. 2012. 305 p.
23. Бендык Э. Эротизм и капитализм // ИноСМИ.RU. URL: <http://inosmi.ru/world/20130303/206477131.html>
24. Бодрийяр Ж. События / пер. А. Гараджи. М: Издательство Ad Marginem, 2000. 319 с.
25. Вот как выглядит обратная сторона японского экономического чуда. URL: <https://www.adme.ru/svoboda-puteshestviya/vot-kak-vyglyadit-obratnaya-storona-yaponskogo-ekonomicheskogo-chuda-1618365/>
26. Агамбен Дж. От государства контроля к практикам отменяющей власти. URL: <http://gefter.ru/archive/13228>
27. Кляйн Н. Доктрина шока / пер. с англ. М.: Издательство «Добрая книга», 2009. 656 с.
28. Granberger R. A Social History of the Third Reich / London: Weidenfeld & Nicolson, 1971. 535 p.
29. Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Лорос, 2000. 431 с.
30. Sen A. Social Exclusion: Concept, Application and Scrutiny // Social Development Papers. URL: <https://think-asia.org/bitstream/handle/11540/2339/social-exclusion.pdf?sequence=1>

Трансформация структур включения / исключения в глобализирующемся обществе

Статья посвящена выявлению и рассмотрению основных структур включения / исключения, а также трансформационных процессов, которые характерны для современного общества. По аналогии с идентичностью автор выделяет когнитивную, конативную и аффективную структуры включения / исключения. Вариативность проявления включения / исключения может быть различна и не всегда предполагает наличие всех трех структур. Когнитивный рассматривается как знаниевый уровень, то есть включенность в определенное информационное пространство. Когнитивная структура включает в себя суждения оценочного характера, мнения об объектах. Конативная или поведенческая структура включает в себя как интенциональную готовность к определенному поведению, так и реальные поступки и действия по отношению к локусу включения, а также участие в его (вос)производстве. Третья структура – аффективная, то есть эмоционально-оценочный уровень, апелляция к чувствам и эмоциям, субъективную значимость локуса для включенного субъекта, а также определение позитивных и негативных установок по отношению к «мы» и «они». Аппелляции к трём этим структурам происходит неравномерно, поэтому вариативность проявления включенности может быть различна. Индивид репрезентирует включенность как некоторый шаблон поведения, реализуя лишь конативный аспект. Индивиды вовлекаются в определенную деятельность до конца, не осознавая смысла или подоплеку этого действия. В глобализирующемся обществе структуры включения / исключения трансформируются в сторону навязчивого непрерывного потока, который вследствие своей повсеместности «растворяется», становится невидимым и недоступным для рефлексии и осмысления со стороны индивида. Выявление структур позволило предположить наличие соответствующих элементов во всех инструментах включения / исключения, независимо от того, кто или что является объектом включения.

Ключевые слова: включение, исключение, конативный, когнитивный, аффективный.

References:

1. Bauman, S. (2008) Liquid modernity. Translated from English under the editorship of Yu. V. Asochakova. Saint-Petersburgh: Peter [in Russian]
2. Vattimo, G. (2002) The Transparent Society. Translation Italian by D. Novikov. Moscow: Publishing house «Logos» [in Russian]
3. Agamben, G. (2011) Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life. Moscow: Publishing house «Europe» [in Russian]
4. Lazzarato, M. (2006) Machine. Translated from English by A. Skidan, in A. Penzina (ed.) [online]. Available at: <https://transversal.at/transversal/1106/lazzarato/ru> (Accessed: 25 May 2019) [in Russian]
5. Deleuze, G. A quoi reconnait-on le structuralisme? Translation from French according to the publication of L. Yu. Sokolova [online]. Available at: http://abuss.narod.ru/study/deleuze_structur.htm (Accessed: 25 May 2019) [in Russian]
6. Foucault, M. (1996) Discourse order. Translation from French by B. Levchenko (ed.) Kiev: Nika-Center [in Russian]
7. Chernova, I. B. (2015) 'Conceptual foundations to study identity' *Bulletin of the Adygea State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies*. No. 4 (167) [online]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovaniya-issledovaniya-identichnosti> (Accessed: 27 May 2019) [in Russian]

8. Rouge, V. A. (2012) 'Sociocultural approach as a methodological basis for the sociological interpretation of concept of patriotism' *Modern Studies of Social Issues* 5(13) [online]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-podhod-kak-metodologicheskaya-osnova-sotsiologicheskoy-interpretatsii-ponyatiya-patriotizm> (Accessed: 26 May 2019) [in Russian]
9. Douglas, M. (2000) *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. Translation from English by R. Gromova, in S. Bankovskaya (ed.); vst Art. and comm. S. Bankovsky. Moscow: Canon-press-Ts, Kuchkovo field [in Russian]
10. Certeau, M. (2013) *The Practice of Everyday Life*. Translation from French by D. Kalugin, N. Movnina. SPb.: Publishing House of the European University in St. Petersburg [in Russian]
11. Sokolov, M. (2017) Why only 1% of startups «takes off» – and this is normal [online]. Available at: <https://www.forbes.ru/tehnologii/339113-pochemu-vzletaet-tolko-1-startapov-i-20-eto-normalno> (Accessed: 27 May 2019) [in Russian]
12. Connerton, P. (2016) How Modernity Forgets [Online]. Available at: <http://gefter.ru/archive/17821> (Accessed: 25 May 2019) [in Russian]
13. Golikov, A. S. (2014) 'The industry of liminality and the prospects for the social: limited knowledge about the limitations of space' *Visnyk of V. N. Karazin Kharkiv National University Series «Sociological studies of contemporary society: methodology, theory, methods»* No. 1101, pp. 47-55 [in Russian]
14. Bourdieu, P. (2016) *On the State*. Translated from French by N. A. Shmatko. Moscow: Publishing House «Delo» [in Russian]
15. Connerton, P. (2004) *How Societies Remember*. Translated from English by S. Shlipchenko. Kiev: Nika-Center [in Russian]
16. Bourdieu, P. (2007) *Reproduction in Education, Society and Culture*. Translated by N. A. Shmatko. Moscow: Education [in Russian]
17. Bourdieu, P. *Beginning* (1994) Translated from French by N. A. Shmatko. Moscow: Socio-Logos, p. 288 [in Russian]
18. Zizek, S. (2002) *Welcome to the Desert of the Real*. Translated from English by Artyom Smirny. Moscow: Foundation «Pragmatics of Culture» [in Russian]
19. Elster, J. (2011) *Explaining Social Behavior: More Nuts and Bolts for the Social Sciences*. Translated from English by I. Kushnareva. Moscow: Publishing House. House of state University – Higher School of Economics [in Russian]
20. Desenko, D. S. (2016) Demonstrative co-presence as a tool for the production of solidarity. *Visnyk of V. N. Karazin Kharkiv National University Series: «Sociological studies of contemporary society: methodology, theory, methods»*. No. 36. pp. 96-102 [in Russian]
21. Hochschild, A. R. (2003) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. London: University of California Press
22. Illouz, E. (2012) *Why Love Hurts? A Sociological Explanation*. Cambridge: Polity Press
23. Bendyk, E. (2013) *Eroticism and capitalism* *ИноСМИ.RU* [online]. Available at: <http://inosmi.ru/world/20130303/206477131.html> (Accessed: 27. May 2019) [in Russian]
24. Baudrillard, J. (2000) *Seduction* Translated by A. Garaja. Moscow: Publisher Ad Marginem [in Russian]
25. Here is the dark side of the Japanese economic miracle [online]. Available at: <https://www.adme.ru/svoboda-puteshestviya/vot-kak-vyglyadit-obratnaya-storona-yaponskogo-ekonomicheskogo-chuda-1618365/> (Accessed: 26 May 2019) [in Russian]
26. Agamben, J. (2014) From the state of control to the practices of abolishing power [online]. Available at: <http://gefter.ru/archive/13228> (Accessed: 27 May 2019) [in Russian]
27. Klein, N. (2009) *The Shock Doctrine*. Translated from English. Moscow: Publishing house «Good book» [in Russian]
28. Grunberger, R. (1971) *A Social History of the Third Reich*. London: Weidenfeld & Nicolson
29. Ionin, L. G. (2000) 'Sociology of culture: the path to the new millennium' *Textbook for university students*. Moscow: Logos [in Russian]
30. Sen, A. (2000) *Social Exclusion: Concept, Application and Scrutiny*. *Social Development Papers* [online]. Available at: <https://think-asia.org/bitstream/handle/11540/2339/social-exclusion.pdf?sequence=1> (Accessed: 26 May 2019)